

Причины и тенденции вооруженных конфликтов

Дэн Смит

www.berghof-handbook.net

Civil Society • Conflict Settlement • Conflict Resolution • Crisis Prevention •
Development Cooperation • Human Rights • Humanitarian Assistance • Just Peace •
Multi-Track • Peacebuilding • Peace Constituencies • Peacekeeping • Peacemaking •
Post Conflict Rehabilitation • Civil Society • Conflict Settlement • Conflict Resolution
• Crisis Prevention • Development Cooperation • Human Rights • Humanitarian
Assistance • Just Peace • Multi-Track • Peacebuilding • Peace Constituencies •
Peacekeeping • Peacemaking • Post Conflict Rehabilitation • Civil Society • Conflict
Settlement • Conflict Resolution • Crisis Prevention • Development Cooperation •
Human Rights • Humanitarian Assistance • Just Peace • Multi-Track • Peacebuilding
• Peace Constituencies • Peacekeeping • Peacemaking • Post Conflict Rehabilitation
• Civil Society • Conflict Settlement • Conflict Resolution • Crisis Prevention •
Development Cooperation • Human Rights • Humanitarian Assistance • Just Peace •
Multi-Track • Peacebuilding • Peace Constituencies • Peacekeeping • Peacemaking •
Post Conflict Rehabilitation • Civil Society • Conflict Settlement • Conflict Resolution
• Crisis Prevention • Development Cooperation • Human Rights • Humanitarian
Assistance • Just Peace • Multi-Track • Peacebuilding • Peace Constituencies •

Причины и тенденции вооруженных конфликтов

Дэн Смит

1. Введение

С начала 1990-го по конец 1999-го года в мире произошло 118 вооруженных конфликтов, затронувших 80 стран и два внегосударственных образования и приведших к гибели около 6 млн человек. Поскольку наша цель – предотвратить эскалацию конфликта до возникновения вооруженных столкновений, а если это не удалось, то как можно скорее остановить военные действия, и если мы стремимся максимально повысить шансы на невозобновление войны после заключения соглашения, то мы должны прежде всего убедиться, что хорошо понимаем, что такое вооруженный конфликт и каковы его причины.

В нашей статье дается обзор современных представлений о причинах вооруженных конфликтов. Хотя теоретический фундамент этих взглядов по-прежнему остается ограниченным, нельзя отрицать его важность. Его недостаток заключается в том, что он мало что может предложить для объяснения феномена вооруженного конфликта в целом. Однако, принимая во внимание сложность и многогранность вопроса, это вряд ли вызовет удивление. Важность теоретического фундамента состоит в том, что при анализе конфликтов он показывает, где следует искать индикаторы потенциальной эскалации и возможности для предотвращения эскалации насилия. Учитывая ограниченность существующих теорий, а также задачу данного сборника способствовать развитию и распространению практических знаний, мы лишь вкратце касаемся теоретических вопросов и больше внимания посвящаем прикладной методологии изучения и анализа вооруженных конфликтов.

Статья начинается с рассмотрения географии распространения и основных характеристик вооруженных конфликтов в 1990-е годы. Далее приводится обзор современных теоретических знаний в этой сфере, который ставит целью не только осветить современные представления, но и предложить некую систему ориентиров. Затем мы переходим к методологии, ключевой идеей которой служит то, что существуют не только разные причины вооруженных конфликтов, но и различные типы причин, что, в свою очередь, требует разных типов и уровней теории и анализа. В силу этого методологические проблемы частично совпадают с проблемами типологии, т.е. организации теории и фактов. Далее в статье рассматривается парная концепция справедливости и мобилизации, которая оптимально подходит для того, чтобы связать разные типы и уровни причин, соединить долгосрочную перспективу с краткосрочной и соотнести социально-экономический фон с политической авансценой. В качестве иллюстрации более детально рассматривается категория “этнических конфликтов”.

2. Вооруженные конфликты в 1990-е годы

Вооруженные конфликты – это регулярные, централизованно организованные вооруженные столкновения за власть и территорию между двумя и более сторонами. Десять из ста восемнадцати вооруженных конфликтов, произошедших с 1990-го по 1999-й год, однозначно подпадают под категорию межгосударственных. Хотя именно эти конфликты чаще всего и освещаются в СМИ и определяют всеобщее мнение

Таблица 1: Вооруженные конфликты в период с 1990 по 1999 г.

Регион	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999
Азиатско-Тихоокеанский	21	21	25	24	23	21	22	24	19	20
Центральная и Южная Америка	7	6	5	3	4	5	4	3	3	2
Северная Африка и Ближний Восток	7	8	8	9	9	9	8	8	6	4
Африка (южнее Сахары)	17	22	18	18	23	21	18	19	18	16
Европа	4	10	12	8	6	4	2	3	3	5
Всего	56	67	68	62	65	60	54	57	49	47

о характере войн в современном мире, они представляют собой лишь относительно небольшую долю всех таких войн. Пять из этих 118 вооруженных конфликтов можно определить как “войны за независимость”, хотя сами повстанцы множества иных войн называют свои конфликты, как правило, точно так же. 100 конфликтов были в основном, в первую очередь или даже исключительно внутригосударственными. Расплывчатость этой терминологии еще раз демонстрирует, что многие войны не поддаются четкой классификации. Например, две войны (1999 и 2000 гг.), которые не были включены в число ста внутригосударственных конфликтов, представляли собой во всех отношениях внутреннее дело Эфиопии за исключением того, что большинство столкновений происходило на территории соседнего Сомали. Война, продолжавшаяся в Демократической Республике Конго (бывшем Заире) в 1998–2000 гг., представляет особую категорию, которую можно назвать транснациональной войной. Это была отчасти гражданская война, в которой президент Лоран Кабила боролся за сохранение власти, а частично – международная война за власть и влияние в регионе. При этом Ангола, Чад, Намибия, Судан и Зимбабве были на стороне президента Кабилы, в то время как Руанда и Уганда воевали против них, а в 2000 г. – и друг против друга.

Как показано в таблице 1, число вооруженных конфликтов в мире резко возросло в начале 1990-х годов – от 56 (1990 г.) и 47 (1989 г.) до 68 (1992 г.). В эти годы первоначальный оптимизм, связанный с окончанием холодной войны, сменился пессимизмом, вызванным ощущением, что началась новая волна конфликтов. Однако впоследствии ежегодное число вооруженных конфликтов стабилизировалось и даже снизилось. Таким образом, 118 конфликтов в период с 1990 по 1999 г. включают 100 преимущественно гражданских войн, 2 в значительной мере гражданских войны, 5 войн за независимость, 10 межгосударственных войн и 1 транснациональную войну.

Новые насильственные конфликты в Европе (включая Россию, Турцию и Кавказ) составляли две трети прироста конфликтов в начале 1990-х годов. В этот период данный регион был одним из наиболее насильственных в мире. Снижение числа конфликтов после 1992 г., вплоть до резкого спада между 1997 и 1998 г., также происходило в значительной мере благодаря событиям в Европе. Возникновение новых насильственных конфликтов в Европе ограничивалось Балканским полуостровом и Кавказом и происходило в контексте распада Югославии и СССР. Прекращение роста числа конфликтов наводит на мысль, что рост числа войн в Европе в начале 1990-х годов не означал новой эры насильственных конфликтов на континенте, как

многие тогда этого опасались. Скорее, эти конфликты стали насильственным и трагическим проявлением той социальной, экономической и политической реорганизации, которая последовала за развалом системы власти в Югославии и СССР. По мере того как результаты этой многосторонней реорганизации приживались на национальном и международном уровнях, ее влияние, к счастью, стало менее драматичным и насильственным.

Однако два соображения заставляют умерить оптимизм, порождаемый таким выводом. Во-первых, старые конфликты во всем мире так и не завершились. Из вооруженных конфликтов, происходивших в 1999 г., 66% длились к этому времени уже более 5 лет, а 30% – более 20 лет. Остановить эти затяжные вооруженные конфликты оказалось очень сложно. Следовательно, земной шар отнюдь не вступил в новую эру мира. Во-вторых, большинство вооруженных конфликтов в Европе, начавшихся в конце 1980-х – начале 1990-х годов и в данный момент инертных, на самом деле не завершены, а лишь приостановлены.

Это различие между завершением и приостановлением очень важно для понимания феномена вооруженного конфликта в современном мире. Международный политический ландшафт обезображен войнами, которые возобновлялись после подписания не только договоров о прекращении огня, но и соглашений о мире. Только за последние десять лет подобные случаи можно отметить в Анголе, Бурунди, Камбодже, Чечне, Хорватии, Демократической Республике Конго, Эритрее и Эфиопии, Косове, Либерии, на Филиппинах, в Руанде, Сьерра-Леоне и Шри-Ланке. Возвращение войны нередко приносит еще больше жестокости и разрушений, и почти всегда наиболее тяжелое бремя ложится на плечи гражданского населения.

Многообразные причины, которые стоят за возобновлением войн, можно разделить на четыре группы. Первая – это обыкновенная неискренность одной или обеих сторон конфликта (примером может служить Революционный объединенный фронт (RUF) в Сьерра-Леоне, которому невозможно доверять при заключении какого бы то ни было соглашения). Ко второй группе причин относится разочарование одной или обеих сторон конфликта, хотя со стороны оно может казаться неискренним. Бывают случаи, когда одна из сторон соглашается заключить мир только на определенных условиях, которые, однако, не заявляются ею открыто и не включаются в текст соглашения. Например, сторона явно ожидает выиграть в послевоенных выборах, и только поэтому подписывает мирное соглашение; если она не добивается победы на выборах, то вновь развязывает войну. В качестве примера здесь можно привести партию УНИТА в Анголе.

Третья группа причин – разногласия внутри каждой из сторон вплоть до их фрагментации и распада. Они тоже могут показаться неискренними. После заключения мирного соглашения существовавшие внутри одного лагеря трения и конфликты начинают проявляться более ярко, поскольку единство, которое поддерживалось во время войны, легко исчезает после наступления мира.

Действительно, реальная перспектива установления мира может оказаться невыгодной для разных групп, принадлежащих к той или иной стороне конфликта, поскольку условия мира не позволят достичь им долгосрочных целей. В этом плане полезно вспомнить группировки, отколовшиеся от Ирландской Республиканской Армии (ИРА) в Северной Ирландии, или отказ воюющих сторон (как с израильской, так и с палестинской стороны) от участия в мирном процессе в Израиле и на западном берегу реки Иордан.

Наконец, четвертой причиной возобновления войны может послужить то, что ее первопричины не исчезли. Если не предпринимается никаких действий по устранению долгосрочных причин конфликта, любые программы реконструкции будут иметь в лучшем случае косметический эффект. Например, спустя 5 лет после Дэй-

тоновского соглашения, положившего конец войне в Боснии-Герцеговине, большинство наблюдателей продолжают опасаться, что остается высокий риск возобновления войны в случае, если с территории страны уйдут международные вооруженные миротворческие силы.

То, что затяжной конфликт стал обычным явлением в современном мире, объясняется прежде всего нестабильностью, присущей мирным соглашениям. Р. Табер (*Taber, 1970. P. 45*) в своих работах указывает и на вторую причину, по которой современные войны затягиваются на много лет. Это – относительная слабость повстанческих армий. Партизаны могут контролировать темп и интенсивность борьбы, решая, где и как нанести удар, и, если правительственные силы не в состоянии ободрать главные мишени и нанести упреждающий удар или не обладают для этого достаточной военной мощью, результатом будет длительная локальная война, громкий конфликт с периодическими вспышками.

Именно поэтому зона военных действий часто ограничена одним регионом страны. Репортеры, политики, ученые, бизнесмены, дипломаты, эксперты Всемирного Банка и другие гости могут спокойно приезжать в столицу страны, пораженной войной, и даже и не ощущать, что в стране идет война. Поскольку многие вооруженные конфликты локализованы и длятся с относительно низкой интенсивностью на протяжении многих лет, они не представляют интереса для международных СМИ. В этих конфликтах редко случаются такие яркие события, как победы, триумфы или катастрофы; они просто тянутся, терзая всех тех, кто к ним причастен. Однако было бы самообманом считать, что они неспособны внезапно и жестоко обостриться. Когда происходит эскалация, международным наблюдателям подчас кажется, что конфликт возник на пустом месте: как раз такой была первая реакция на массовые убийства в Руанде в 1994 г. Однако эти убийства вписывались в исторический контекст повторяющихся циклов кровопролития, и, как позже стало известно, многие признаки надвигающейся трагедии не получили должного внимания, пока не стало слишком поздно (*Adelman, Suhrke, 1996*).

3. Теории, объясняющие причины конфликтов

Переход к вооруженным методам борьбы – сложный процесс, который зависит от разных акторов, условий и обстоятельств. Поэтому так трудно описать историю начала той или иной войны: историкам приходится тщательно взвешивать критические ситуации и достоверные свидетельства. Если мы хотим предложить теоретическое объяснение причин вооруженного конфликта как общего феномена, необходимо провести анализ множества взаимозависимых переменных. Это справедливо даже по отношению к ограниченным отрезкам времени, в том числе периоду после окончания Второй мировой войны или даже времени после окончания холодной войны. Сложность задачи состоит в том, что, как отмечает Д. Уэлш (*Welch, 1993. P. 8*), для войны требуется совсем немного обязательных условий, однако в каждой ситуации можно найти множество достаточных для того причин, из которых только некоторые окажутся актуальными. Война возможна, когда появляется оружие для борьбы и пока между сторонами продолжается конфликт. Но намного более сложная задача – выяснить, что же делает войну вероятной.

Несмотря на работы таких ученых, как Тэд Гёрр (1970), Дональд Горовитц (1985), и Анатолий Рапопорт (1989), большинство исследований о причинах вооруженных конфликтов, проведенных до 1990 г., было сосредоточено на международных конфликтах. Это интересное наблюдение, поскольку по крайней мере с 1945 г.

гражданские или внутригосударственные конфликты стали более распространенными, чем международные или межгосударственные (Singer, 1996. P. 35). Однако в глобальном контексте относительная важность внутригосударственных (гражданских) конфликтов получила всеобщее признание лишь после окончания холодной войны. Даже заключения недавнего аналитического обзора по базе данных “Корреляты войны”, поддерживаемой Мичиганским университетом, касались почти исключительно межгосударственных войн (Vasquez, 1987). Тем не менее после 1990 г. значительно возросло число научных исследований и литературы о причинах вооруженных конфликтов, которые не подпадают под категорию войны между двумя и более признанными государствами. Современные исследования внутригосударственных конфликтов посвящены в основном их этническим, экологическим, политическим и экономическим аспектам.

Одно из таких объяснений предлагает теория “относительных лишений” (Gurr, 1970), которая подчеркивает разницу между ожиданиями группы и реальному доступу к благополучию и власти. Это близко к объяснению, предлагаемому теорией “групповых льгот” или предоставления прав группе (group lutive meut) (Horowitz, 1985), в котором бóльшим весом наделяются этнические факторы, сопровождающие экономическое и политическое развитие (Gurr, 1995). Однако сама по себе полиэтничность, похоже, не служит причиной войн, иначе получалось бы, что наиболее склонными к войне оказывались бы самые многонациональные государства, что не соответствует реалиям (Smith, 1997. P. 30). Наоборот, этническое и религиозное многообразие способно снизить риск насильственного конфликта (Collier, 1999), поскольку оно учит разные группы сосуществовать несмотря на свои различия. Однако если этот процесс “самообучения” терпит поражение, то этническое многообразие может усугубить конфликт и привести к серьезной эскалации в силу его способности к политической мобилизации. В качестве примера можно привести постепенный распад Югославии на протяжении 1990-х годов, к чему мы еще вернемся.

Существуют также исследования, которые рассматривают связь между конфликтом и экологическими проблемами и изучают способность государств и обществ (иногда катастрофически низкоую) адаптироваться к меняющимся условиям окружающей среды, не прибегая к насилию (Homer-Dixon, 1994). Однако научные подходы, выявившие прямую и существенную связь между экологической деградацией и насильственными конфликтами, подверглись существенной критике (Gleditsch, 1998; Lipschutz, 1997). В одной из недавних публикаций были изложены аргументы, значительно ослабившие теоретические основы подобных подходов (Homer-Dixon, 1999). Современный взгляд на эту проблему ограничивается признанием, что причины некоторых вооруженных конфликтов, например на Гаити и на Филиппинах, невозможно до конца понять без учета экологической деградации в этих странах.

Что касается зависимости между политической системой и мирной ситуацией, ее изучение было начато с наблюдения, что демократические государства практически никогда не вступают в войну друг с другом (Russett, 1993). Дж. Леви (Levy, 1989. P. 20) утверждал, что этот постулат “стал едва ли не практическим законом в международных отношениях”. Однако эта оценка вызвала множество возражений (их обзор осуществил С. Чэн (Chan, 1997)), которые касались как достоверности эмпирических данных, так и теоретической обоснованности. Например, Дж. Макмиллан (MacMillan, 1996) считает, что подобное заключение явилось результатом того, что был выбран ложный предмет исследования. Все же, несмотря на то, что эта идея требует дальнейшего теоретического и концептуального прояснения, она стала весьма распространенной (Starr, 1997).

При анализе причин вооруженного конфликта в последнее время популярным стал вопрос о том, можно ли считать, что демократические режимы настроены в целом более мирно по отношению к таким же (т.е. демократическим) порядкам, чем по отношению к странам с иным строем. Доказательства того, что они более миролюбивы по отношению друг к другу, приводились Р. Раммелем (*Rummel, 1995*), но были оспорены Т. Риссе-Каппеном (*Risse-Kappen, 1995*). Х. Эгре, С. Гейтс и Н.П. Гледич (*Hegre, Gates, Gleditsch, 1999*) показали, что разные типы демократических режимов характеризуются неодинаковой предрасположенностью к внутригосударственному конфликту. Они сделали вывод, что наиболее высоким конфликтным потенциалом обладают режимы, которые не полностью демократичны, но и не совсем авторитарны. Особенно опасным является период перехода к демократии (*Jagers, Gurr, 1995. P. 477–478*). Эта идея проливает свет на насильственные конфликты в бывших Югославии и СССР, где распад федерального государства вызвал системные изменения во вновь образованных государствах. Здесь можно вспомнить и виток насилия в Индонезии в 1998 г., последовавший за окончанием режима Сухарто.

Наиболее веские объяснения вооруженного конфликта можно, однако, найти в экономической сфере. Основное объяснение конфликта, которое предлагает это направление, – низкий уровень экономического развития (*Hauge, Ellingsen, 1998*), о чем могут свидетельствовать такие индикаторы, как низкий показатель валового национального продукта на душу населения, непропорционально большой сельскохозяйственный сектор или высокая зависимость страны от изменений на мировом рынке товаров и капиталов (*Avery, Rapkin, 1986*). Вслед за В. Ходжем и Т. Эллингсеном (*Hauge, Ellingsen, 1998*), Дж. Овинэн (*Auvinen, 1997*) считает, что вторым важным обстоятельством – после неблагоприятных экономических условий – является отсутствие демократических возможностей. Этот аргумент находит подтверждение также в идеях и свидетельствах, предложенных П. Кольером (*Collier, 1999; Collier, Hoeffler, 1999*), о том, что даже в бедных странах лидеры конкурируют между собой за контроль над экономической прибылью, какой бы низкой она ни была. В бедных странах или после резкого экономического спада конкуренция за имеющиеся (пусть даже низкие) доходы может стать особенно напряженной и вполне может привести к эскалации насилия. Среди множества примеров этого – пугающий размах насилия в Либерии в 1989–1997 гг., начавшаяся в 1991 г. война в Сьерра-Леоне, десятилетия войны в Анголе и циклы массовых убийств и зверств в Бурунди и Руанде.

Вышесказанное позволяет сделать следующие предварительные выводы:

- В настоящее время наиболее важными глубинными причинами внутригосударственных вооруженных конфликтов служат неблагоприятные экономические условия;
- Склонны к войне также репрессивные политические режимы, особенно в переходные периоды;
- Ухудшение состояния возобновляемых ресурсов (особенно эрозия почвы, вырубка лесов и нехватка воды) также может повысить вероятность конфликта, однако это представляет менее существенный фактор, чем политические и экономические условия;
- Этническое многообразие само по себе не является причиной вооруженного конфликта, однако этническая идентичность часто определяет стороны конфликта.

4. “Исходные причины” и “акторы на переднем плане”

В гуманитарных науках попытки объяснить причины вооруженных конфликтов ограничивались в основном теориями, которые рассматривали их фоновую ситуацию и исторические корни причин. Однако эти теории имеют не больше веса, чем любое другое рациональное обобщение. Они основаны на обобщении статистических данных, где почти всегда встречаются исключения. Например, считается, что бедные недемократические страны обладают более высоким конфликтным потенциалом. Но существует множество примеров, когда вооруженный конфликт происходит отнюдь не в самых бедных или репрессивных странах. Более того, есть примеры, когда очень бедные страны с репрессивным режимом обходились без войн.

Научная литература страдает одним недостатком – она обычно стремится выявить самую главную причину того или иного вооруженного конфликта. Однако в большинстве случаев такой подход ошибочен. Вопрос заключается не в том, какая причина важнее всех остальных, а во взаимосвязи разных причин. В частности, стремление навязать выбор между экономическим и политическим объяснением вооруженного конфликта часто оказывается ошибочным. Конечно, изучение экономических трудностей и экологической деградации помогает увидеть, как проблемы выживания могут подтолкнуть к конфликту. Насильственные конфликты легко вспыхивают там, где люди начинают верить, что взяться за оружие – это не только оправданный, но, возможно, и единственный способ обеспечить себя самым необходимым. Другими словами, они убеждены, что по отношению к ним совершена несправедливость, и они должны ее исправить. Однако не бывает так, что подобное решение было бы спонтанно принято целой группой людей. Политическая мобилизация происходит по мере того, как лидерам удается покорить сердца и умы людей и заручиться их преданностью и поддержкой или же уговорами или угрозами вовлечь их в войну. Следовательно, ни один убедительный анализ насильственного конфликта, включая его эскалацию и ослабление, не может игнорировать политические аспекты.

При этом здесь возникает еще одна аналитическая проблема, состоящая в несоответствии политологических теорий и практических политических действий. Теории рассматривают обычно лишь долгосрочные обстоятельства и ограничиваются общими объяснениями и поэтому в своем стремлении к универсальности проигрывают в точности (*Levy, 1989. P. 297*). Общее описание часто не может отразить детали политического поведения. Хотя политические лидеры склонны акцентировать свои грандиозные стратегические цели, в конечном счете, в реальной жизни их выживание зависит от скрупулезных каждодневных маневров. Теории гуманитарных наук рассматривают обширные отрезки времени, а в политике доминирует краткосрочная перспектива. Таким образом, в попытках понять вооруженный конфликт как глобальный феномен должна учитываться общая социально-экономическая картина, в то время как при анализе конкретного вооруженного конфликта, напротив, внимание должно быть направлено на политику, а также на действия отдельных организаций и людей.

Однако вместо того, чтобы изолировать друг от друга эти два уровня (свободных теоретических обобщений и детального анализа), имеет смысл их сопоставить. Только тогда обобщения могут помочь аналитику определить, чему следует отдавать приоритет и где искать наибольшие угрозы.

При таком подходе объяснения должны не только отражать социальные, культурные, экономические и экологические условия, но и учитывать политиче-

скую авансцену. Другими словами, важны не только унаследованные структуры, но и текущая политическая ситуация. Великий прусский военный философ фон Клаувиц (*Clausewitz*, 1832/1976) определял войну как “акт силы, направленный на то, чтобы заставить нашего врага выполнить нашу волю” и как “продолжение политики иными средствами”. Дж. Киган (*Keegan*, 1994. Р. 3–12) утверждает, что это определение ошибочно, поскольку оно не учитывает фактор культуры в том, почему и как люди вступают в войну. Было бы большой ошибкой позволить определениям Клаувица доминировать в анализе причин, однако нельзя не признать, что исходные факторы способствуют появлению вооруженного конфликта только тогда, когда их берут на вооружение политики. Война – это осознанный и сознательно выбранный акт. Объяснение ее причин должно учитывать как фоновые, так и актуальные факторы, как структурные причины, так и обстоятельства, находящиеся в компетенции политических деятелей. Одним словом, исчерпывающее объяснение причин вооруженного конфликта должно сочетать оба уровня и типа анализа.

5. Методология и типология

Для подобного многоуровневого анализа Д. Десслер (*Dessler*, 1994) предложил хорошую систему координат. Из совокупности потенциальных причин вооруженного конфликта он выделил не просто разные причины, а разные их типы и затем организовал их в форме типологии, состоящей из четырех частей. Привнеся несколько терминологических и одно содержательное изменение, мы предлагаем идеи Десслера в нижеследующей аналитической структуре.

Бокс 1. Типология причин и их типов по Д. Десслеру (в адаптации автора)

Исходные причины (у Десслера – каналы) – это линии фундаментального “политического, социального, экономического или национального раскола [...] преимущественно на групповом, а не на индивидуальном уровне”. В их числе могут быть такие факторы, как исключение одних групп из системы власти, систематическая протекция других или неравномерное экономическое развитие регионов. Одним словом, это – базовые элементы социальной и политической структуры. Их изучение позволяет выявить исходные причины и скрытые условия конфликта.

Стратегии мобилизации (у Десслера – мишени) обозначают задачи основных политических акторов, а также (это мое дополнение к его идеям) методы, которыми они пользуются для реализации своих задач. Другими словами, анализ стратегии мобилизации включает весь спектр политических действий – от концептуализации идей до их преподнесения. То есть необходимо рассматривать не только сами идеи, за которые люди воюют, но и то, как они представляют себе эти идеи.

Запускатели – это факторы, определяющие момент начала вооруженного конфликта; их анализ помогает понять не то, почему конфликт вообще произошел, а почему он начался именно в тот момент. Часто запускателями служат события или действия влиятельных лиц или групп, которые сужают выбор других сторон тем, что делают мирные подходы менее, а насильственные – более привлекательными.

Катализаторы – это факторы, которые влияют на интенсивность и продолжительность конфликта; они могут быть как внутренними (баланс силы между противниками), так и внешними (вмешательство ООН); включать как

тактические шаги (например, избегают ли повстанцы нападений на гражданские зоны), так и природные факторы (например, рельеф местности, время года и погоду). Кроме того, это могут быть материальные обстоятельства, например доступ к оружию, и менее конкретные (хотя и не менее важные) факторы, такие, как характерные для данной культуры представления об этике и приемах ведения войны.

Вышеприведенная типология позволяет переключать внимание от исходных причин конфликта к его действующим лицам и обратно. Она предлагает не самостоятельную теорию причинной обусловленности, а, скорее, способ систематизировать имеющиеся теории; указывает также на аспекты, требующие детального рассмотрения, и предлагает методы систематизации такой информации, как конкретные примеры эскалации конфликтов. Для деятельности по предотвращению насильственной эскалации наиболее актуальными являются две первые категории (исходные причины и стратегии мобилизации). Что касается последней категории, т.е. катализаторов, она не менее важна при разработке стратегии прекращения насилия.

6. Несправедливость и мобилизация

Существуют две концепции, которые в сочетании дают точку пересечения долгосрочных и краткосрочных причин, точку, в которой политические акторы сталкиваются со структурными, исходными причинами. Это – концепции справедливости и мобилизации.

Сочетание неблагоприятных экономических условий и закрытости политической системы приводит к двойной несправедливости. Политическая мобилизация развивается вокруг идеи несправедливости: люди обычно посвящают себя определенному делу потому, что верят в его справедливость или, по крайней мере, в способность компенсировать ту несправедливость, с которой им пришлось столкнуться. Таким образом, основной ресурс для политической мобилизации – это эксплуатация чувства несправедливости, накапливающегося вследствие глубинного дисбаланса власти и благосостояния как внутри одной страны, так и между разными странами.

На данном этапе обсуждения необходимо отметить некоторые нюансы. Например, дело не в том, что действия югославского лидера Слободана Милошевича исходили из его глубокого убеждения, что по отношению к сербам совершена вопиющая несправедливость. Есть основания думать, что в первую очередь он заботился о сохранении власти – своей личной, а также своего ближайшего окружения (*Little, Silber, 1995; Judah, 1997, 1999*). Но выступления его изобиловали протестами против несправедливости, допущенной по отношению к сербам. Начиная с 1987 г. он регулярно упоминал в своих речах, что у сербов есть много оснований считать себя пострадавшей стороной. Возможно, он и лично глубоко переживал эту несправедливость, но главное – он прекрасно знал, как ее задействовать в своих целях. Он умел эксплуатировать обиды и недовольства, и в этом смысле его политическая карьера архитипична.

Понятие справедливости как фактора мотивации в вооруженном конфликте было недавно оспорено тем способом, что акцент с громких стенаний обиженных переведен на бесшумную власть жадных (*Collier, 1999*). Этот аргумент в определенном смысле посвящен роли конкретных формулировок и стиля высказываний при

конflikте. Ключевая идея заключается в том, что для целей исследования “стремление к справедливости можно переформулировать в вызывающие протест условия” (*Collier, Hoessler, 1999. P. 5*). Однако попытка преобразовать субъективное стремление в объективные обстоятельства ошибочна, поскольку именно стремление включает в себе факторы мобилизации и восприятия. Тем не менее, дебаты об относительной роли жадности и обид можно рассматривать под полезным углом зрения, поставив вопрос о том, чья это жадность и чьи обиды. К примеру, властолюбие Милошевича не исключает того, что у простых сербов есть свои обиды. Другими словами, вовсе не обязательно пытаться объяснить конфликт либо жадностью, либо обидами. Как элементы политической мобилизации они дополняют и подкрепляют друг друга.

7. Этничность и конфликт

Чтобы проиллюстрировать затронутые выше темы и их аналитическую ценность, имеет смысл обратиться к категории, которую и в научной литературе, и в обиходе часто называют “этническим конфликтом”. Это обычно означает, что его стороны отличаются по этническому признаку, и наряду с этим, этнические различия занимают в нем центральное место. Подразумевается, что этническую окраску имеет не только одна из сторон, но и хотя бы одна из причин (если не единственная причина) конфликта.

Дать точное определение понятия “этнические различия” нелегко, и поэтому оно часто оспаривается. Здесь весьма трудно и опасно делать обобщения, поскольку этническая идентичность имеет огромное множество проявлений. Этническая общность может проявляться через разное сочетание признаков: язык, цвет кожи, вероисповедание, место проживания, история. Однако сами по себе такие черты, как общий исторический опыт, мифы, религиозные верования и т.д., могут и не играть решающей роли для этнической идентичности, но эти черты становятся таковыми, когда возникает коллективное осознание того, что они служат важным отличительным признаком для данной группы. Такое коллективное осознание может содействовать возникновению двух типов ситуаций: дискриминации со стороны других групп и намеренной политической мобилизации для защиты того, что данная группа считает своими интересами.

Во время конфликта на Балканском полуострове в 1990-е годы иностранные дипломаты и политики поначалу решили, что ситуацию легко поправить, если проводить жесткий дипломатический курс – нужно просто заставить нескольких лидеров-упрямцев сесть за стол переговоров (*Little, Silber, 1995. P. 159*). Как будто у конфликта не было более глубоких причин, чем простая безответственность! Когда стало ясно, что этот подход в корне ошибочен, начался поиск более глубоких причин, однако и он не отличался особой тщательностью. Госсекретарь США Уоррен Кристофер как-то заявил, что война в Боснии и Герцеговине была вызвана “многовековой межэтнической ненавистью” (*Calhoun, 1997. P. 61*). Общепринятой стала точка зрения, что проблема кроется во вспыльчивости балканских народов (*International Commission on the Balkans, 1996. P. 13–14*): [Чтобы избежать недоразумений, подчеркну, что Международная комиссия по Балканам не считала вспыльчивость причиной насилия; в своем отчете она указала на существование подобного мнения и подвергла его критике]. Такого типа аргументы стремятся подтолкнуть к выводу (хотя не всегда с такой же целью используется термин “этнический конфликт”), что практически невозможно разрешить подобные конфликты или помочь этим людям.

В подобных рассуждениях используются те же самые термины (порой приводящие к тем же самым заключениям), что и в концепции этнического конфликта. Например, Э. Кауфман (*Kaufman*, 1996) в своей работе делает вывод, что межэтническую гражданскую войну можно прекратить только посредством принудительного размежевания населения. По-другому эта идея называется этническими чистками, которая, похоже, опирается на убеждение (которое подчас воплощается на практике самими этническими “чистильщиками”), что каждый человек должен принадлежать либо к одной группе (например, серб), либо к другой (например, босниец), упуская из виду, что существуют, скажем, дети из смешанных семей.

Даже если оставить в стороне вопросы этики, легко можно увидеть интеллектуальные изъяны подобных попыток изложить причины конфликта, опираясь на абстрактные категории из обозначенной выше типологии. Объяснение войны посредством многовековой вражды и вспыльчивости допускает три заблуждения по поводу современности (и обычно намного больше заблуждений по поводу прошлого): 1. оно считает этничность исключительно исходной причиной; 2. полагает, что этничность служит единственной исходной причиной; 3. оно не принимает во внимание роль любого другого типа причин. Но самое важное, оно полностью игнорирует проблемы стратегии мобилизации.

Ошибка заключается не в том, что этнические различия считаются источником сегментации в обществе и, следовательно, одной из исходных причин конфликта. Ошибочно пренебрегать вопросом о том, как эта сегментация создает условия для начала войны. Ряд примеров ясно продемонстрировал, что в конфликт часто влетаются проблемы этнических различий, и участники конфликта начинают верить в то, что они и представляют тот фундаментальный вопрос, из-за которого они борются. Это важный, но недостаточный фактор, поскольку, как уже ранее отмечалось, страны мира с наиболее многонациональным составом отнюдь не характеризуются самым высоким потенциалом насильственного конфликта. Это наводит на мысль, что даже в вооруженном конфликте, где стороны разделяются по этническому признаку, адекватный анализ ситуации не может ограничиваться изучением только проблем этничности. Приведенные выше результаты количественного анализа показывают, какую роль в конфликте может играть экономическая ситуация и политический режим. Следовательно, помимо этничности целесообразно анализировать и другие исходные причины.

Кроме того, необходимо больше внимания уделить политической мобилизации. Этничность часто играет центральную роль в групповой идентичности и, следовательно, служит мощным источником групповых предубеждений. Поэтому политическим лидерам легко манипулировать этничностью с целью мобилизации населения, особенно в периоды, когда общество сотрясают социально-экономические перемены. Именно в такие периоды начинает доминировать националистическая линия политики.

Национализм – это политическая идеология, которая утверждает, что нация и государство должны совпадать территориально (*Gellner*, 1983. P. 1). Однако национализм выходит за рамки политической идеологии и может рассматриваться как комплексная социальная, культурная, интеллектуальная и эмоциональная реакция на социально-экономическую и политическую дестабилизацию в мире (*Plamenatz*, 1976). Подобная дестабилизация может быть вызвана современными условиями (*Smith*, 1983), насаждением колониального правления (*Anderson*, 1991; *Seton-Watson*, 1977) или распадом системы государственного социализма (*Smith*, *Østerud*, 1995). Можно утверждать, что схожим дестабилизирующим действием обладает и появление единого мирового рынка, который служит движущей силой процесса глобализации. Глобализация двояко влияет на этноцентризм и национализм. С одной сторо-

ны, она делает культуры и стили жизни более однородными и позволяет людям больше узнать о разных культурах. С другой стороны, быстрое перераспределение инвестиционного капитала и интеграция рынков создают новых победителей и проигравших, что приводит к фрагментации и маргинализации некоторых этнических групп и наций и к попыткам противостоять культурной однородности.

Социальная дестабилизация, порождаемая этими крупномасштабными и повсеместными историческими процессами, не только приводит к напряженной борьбе за власть среди социальных и политических элит. Она приносит также небезопасность и неуверенность в жизнь многих простых людей. Трудно понять или предсказать, как подобные исторические изменения влияют на жизнь отдельных людей, но часто они оказываются опустошающими. В такие времена для многих привлекательным убежищем становится групповая идентичность, которая оставляет им единственную возможность наделить смыслом то, что с ними происходит. Поэтому каких бы вопросов ни касался конфликт, возникающий вследствие крупномасштабных изменений и дестабилизации в обществе, политическим лидерам легче всего мобилизовать свой электорат, если они оформят свои идеи в терминах борьбы за национальную идентичность, достоинство и справедливость.

Высказанное выше можно обобщить следующим образом: причиной вооруженных конфликтов служат не этнические различия как таковые, а этническая политика. Опасность возникает тогда, когда этнические различия начинают определять политические пристрастия, и когда происходит этническая политизация.

При попытках объяснить развал бывшей Югославии нельзя не учитывать, что это – многоэтническое государство, которое к тому же имеет более чем 100-летнюю историю этнонационализма. Этничность подвергалась политизации на протяжении многих лет, и правление Иосипа Броз Тито в 1945–1980-х годах не представляет исключения. Хотя Тито и подавлял такую националистическую политику, которая угрожала бы единству Социалистической Федеративной Республики Югославии, однако конституционную и политическую власть он распределял по этнонациональному принципу. Это определило характер государственных и партийных органов. После смерти Тито на смену его правлению пришла система президентства, при которой пост президента передавался ежегодно одной из шести республик и двух областей, входящих в состав Федерации. Поэтому, когда в 1987 г. национализм стал превращаться в самую твердую политическую валюту в тогдашней Югославии, он не возник из ниоткуда, а также не был проявлением вспыхивающей народности характера. Он был прямым результатом политической системы.

В Сербии национализм вновь выступил на первый план, когда в 1987 г. коммунистический лидер Слободан Милошевич, впервые после Тито, стал разыгрывать националистическую карту. В следующие два года последовала реакция, сначала в Словении, потом в Хорватии. Как только лидеры разных республик подхватили риторику националистического противостояния, появилась движущая сила, которая, в сочетании с системой чередующегося президентства, привела страну к распаду.

Однако Милошевич действовал не из стремления развалить Федерацию. Его первоначальной целью было мобилизовать всеобщую поддержку, чтобы захватить контроль над Сербской партией (*Little, Silber*, 1995). Первым примером того, как Милошевич использовал широкое недовольство в своих целях, стал 50-страничный меморандум, выпущенный Сербской академией искусств и наук в 1986 г. В этом, ставшем знаменитым, документе шестнадцать ученых на разные лады выражали протест против ущемления прав сербского населения, закрепленного в Югославской конституции 1974 г., и особенно против геноцида сербов в Косово (*Vetlesen*, 2000).

В данной ситуации не имеет значения, верил ли Милошевич в эти обвинения и чувствовал ли сам обиду и несправедливость, которые использовал для политиче-

ской мобилизации. В бывшей Югославии ни он, первый разыгравший националистическую карту, ни лидер Словении Милан Кучан, который сделал это позже, не отличались до этого националистическими взглядами. Напротив, лидер Хорватии Франко Туджман, лидер Боснии Алия Изетбегович и несколько претендентов на роль лидера косовских албанцев могут считаться принципиальными националистами. Несмотря на различия в установках на личном уровне они пришли к власти примерно по одному и тому же сценарию, ключевым элементом которого была всеобщая мобилизация на базе лозунга о национальной несправедливости. Это соперничество жалоб на несправедливость и создало ту взрывоопасную смесь, которая разорвала Югославию на части.

Совершенно так же не представляется важным, разделяли ли сами сторонние наблюдатели то негодование, которое чувствовали один или несколько народов бывшей Югославии. Не имеет значения и то, смогли бы эти наблюдатели объективно оценить, насколько политические программы тех или иных лидеров были направлены на компенсацию несправедливости, совершенной по отношению к своей группе. Ключевым вопросом было то, ощущало ли несправедливость само население, и смогли бы (и стали бы) это использовать разные политические лидеры.

Итак, то, что обычно называют этническим конфликтом, по сути представляет конфликт за власть или доступ к экономическим ресурсам (в том числе и природным, однако подобные случаи в данной статье не рассматриваются), который прикрывается этнической маской. Этнические различия важны не потому, что выступают в роли единственной причины вооруженного конфликта, а потому, что они используются политическими лидерами как инструмент мобилизации. Они представляют собой важный компонент в объяснении причин конфликта, но не доминируют в нем.

Употребление метафоры “этнической маски”, подчеркивающей подобную стратегию политической мобилизации, не должно приниматься за попытку уменьшить реальность и важность чувства идентичности как в насильственном конфликте, так и вне его. Например, не вызывает сомнений, что в российско-чеченских (Russo-Chechen) войнах 1990-х годов присутствует как глубокое, ярко выраженное и сильное чувство этнической идентичности у чеченцев, так и, увы, широко распространенные предрассудки по отношению к чеченцам среди россиян. В течение 200 лет чеченские движения сопротивлялись контролю со стороны России. Но даже учитывая это, невозможно до конца понять конфликт между Россией и Чечней, если анализировать его только как этнический конфликт.

Можно провести интересные параллели между этим конфликтом и распадом Югославии. Борьба за власть между старыми и новыми политическими элитами в значительной степени объясняет углубление военного противостояния между Чечней и Россией в 1994 г. Именно в результате ее генерал Джохар Дудаев и его союзники захватили власть в Чечне в августе-сентябре 1991 г. (Tishkov, 1997. P. 200–206). Во второй половине 1994 г. лидеры двух стран не смогли избежать перерастания ссоры в полномасштабную войну. Частично эту эскалацию можно объяснить слабостью правительств обеих сторон (Lieven, 1998. P. 80–84, 94–96), а частично – подковой борьбой за власть как в Чечне (Tishkov, 1997. P. 216–218), так и в Москве (Shapiro, 1995).

Трагедия заключается в том, что как только этническая маска надета, ее очень трудно сбросить. Пробужденное чувство групповой идентичности использует негодования и обиды, чтобы сплотить людей, особенно в периоды кризиса или войны, и при этом порождает, казалось бы, непримиримую ненависть, которая становится источником затяжных, часто циклических конфликтов.

В качестве одного из наиболее ярких современных примеров можно привести соперничество между народами хуту и тутси в Бурунди и Руанде. Это соперничест-

во отнюдь не уходит корнями в незапамятные времена. Начиная с XIX в. колониальная администрация стала обращаться с этими народами как с двумя разными группами, благоволя к одной из них, что вызвало возмущение второй. С момента приобретения независимости в 1962 г. это групповое недовольство систематически эксплуатировалось политическими лидерами, чтобы сохранить (или приобрести) власть, результатом чего стали 40 лет войн и массовых убийств (Copson, 1994). Таким же образом развивался конфликт между сингалцами и тамилами в Шри-Ланке в годы после обретения независимости, когда аналогичные недовольства привели к затяжной гражданской войне (Uyangoda, 1996).

В процессах мобилизации, которые привели к этим конфликтам, можно обнаружить один общий элемент – всеобщее и беспрекословное одобрение своей позиции у одной или у обеих сторон. Верить в свое дело – значит верить в его правоту и справедливость. До войны 1998–1999-х годов в Косово и сербы, и албанцы яростно протестовали против несправедливости, которая, по их убеждению, была совершена по отношению к ним. И хуту, и тутси в Руанде и Бурунди могут ярко описать примеры дискриминации, которую они испытали со стороны другой группы. И сингалцы, и тамилы в Шри-Ланке могут подробно перечислять унижения, которым их подвергла другая группа. Во многих современных вооруженных конфликтах военная тактика и стратегия одной или обеих сторон направлена прежде всего против гражданского населения – будь то этнические чистки, массовые убийства и систематические изнасилования в Боснии-Герцеговине и Руанде или бомбежки гражданских зон в Чечне. Память об этих ужасах ожесточает групповую идентичность, что создает почву для последующих раундов мобилизации.

8. Заключение

В последнее время стало появляться все больше серьезной и полезной литературы, посвященной причинам вооруженных конфликтов. Хотя теоретические выводы в ней пока остаются ограниченными, они выполняют важную функцию, направляя внимание на такие ключевые проблемы, как неблагоприятная экономическая ситуация, отсутствие политических возможностей и экологическая деградация, в то же время предостерегая от того, чтобы представлять этническое многообразие как таковое причиной вооруженного конфликта.

Эти исследования до сих пор были в основном посвящены изучению долгосрочных социально-экономических и политических условий, которые лежат в основе многих вооруженных конфликтов в современном мире. Для анализа конкретных конфликтов необходимо, однако, научиться соотносить долгосрочные исходные условия с краткосрочными факторами, которые непременно упоминаются в описаниях каждого конкретного конфликта.

В данной статье мы рассмотрели два взаимосвязанных способа подобного соотнесения. Первый – это методология, которая помогает организовать как теоретический, так и практический материал, и тем самым создает ориентиры для анализа. Второй – создание концептуальной пары, связывающей долгосрочные и краткосрочные факторы, т.е. концепцию справедливости и мобилизации. До тех пор, пока в отдельных странах и во всем мире будет править социальная и экономическая несправедливость, всегда будут существовать люди, которые будут ее осознать, и лидеры, которые будут ее использовать, чтобы укрепить свою власть. Следовательно, справедливость должна стать основным принципом анализа конфликтов, а значит, и стремления к миру.

Данные по вооруженным конфликтам в предлагаемой статье опираются на обновленную информацию моего атласа “Состояние войны и мира” и используются те же самые определения и принципы обработки данных (Smith, 1997). Если сравнить их с данными, предлагаемыми кафедрой изучения мира и конфликта при университете города Упсала (Швеция) и публикуемыми ежегодно в Журнале исследований мира (Wallensteen, Sollenberg, 1996, 1997, 1998, 1999 и 2000), то в общих моментах они схожи, однако, значительно отличаются в деталях. В качестве пороговой величины, определяющей, включать ли конфликт в базу данных, оба набора используют число 25 военных смертей в год. Однако я рассматриваю общее годовое число в контексте итоговых нескольких сотен смертей, поскольку считаю, что, учитывая имеющиеся данные, невозможно настаивать на более точном итоге. Кроме того, в отличие от группы в университете Упсала, мое определение конфликта не включает условие, что, по крайней мере, одной из сторон конфликта должно быть признано государство.

- Adelman H., Suhrke A., 1996. Early Warning and Conflict Management // The International Response to Conflict and Genocide: Lessons from the Rwanda Experience. Study 2: Steering Committee of the Joint Evaluation of Emergency Assistance to Rwanda. Copenhagen: DANIDA.
- Anderson B., 1991. Imagined Communities / Ed. Revised Edition. London: Verso.
- Auvinen J., 1997. Political Conflict in Less Developed Countries 1981–1989 // Journal of Peace Research. Vol. 34, № 2. P. 177–195.
- Avery W.P., Rapkin D.P., 1986. World Markets and Political Instability within Less Developed Countries // Cooperation and Conflict. Vol. 21, № 2. P. 99–117.
- Calhoun C., 1997. Nationalism. Buckingham: Open UP.
- Chan S., 1997. In Search of Democratic Peace: Problems and Promise // Mershon International Studies Review. № 41 (Supplement 1). P. 59–91.
- Clausewitz C. von., 1832/1976. On War / Translated by M. Howard, P. Paret. 1976 ed. Princeton, NJ: Princeton UP.
- Collier P., 1999. Doing Well out of War // Paper prepared for Conference on Economic Agendas in Civil Wars. London, 1999. April 26–27. The World Bank.
- Collier P., Hoeffler A., 1999. Justice-Seeking and Loot-Seeking in Civil War. Washington, DC: The World Bank/CSAE.
- Copson R.W., 1994. Africa's Wars and Prospects for Peace. NY: M.E. Sharpe.
- Dessler D., 1994. How to Sort Causes in the Study of Environmental Change and Violent Conflict // Environment, Poverty, Conflict / Eds. N. Græger and D. Smith. Oslo: International Peace Research Institute.
- Gellner E., 1983. Nations and Nationalism. Oxford: Blackwell.
- Gleditsch N.P., 1998. Armed Conflict and the Environment: A Critique of the Literature // Journal of Peace Research. Vol. 35, № 3. P. 381–400.
- Gurr T.R., 1970. Why Men Rebel. Princeton, NJ: Princeton UP.
- Gurr T.R., 1995. Minorities at Risk: a Global View of Ethnopolitical Conflicts. Washington, D.C.: United States Institute of Peace Press.
- Hauge W., Ellingsen T., 1998. Beyond Environmental Scarcity: Causal Pathways to Conflict // Journal of Peace Research. Vol. 35, № 3. P. 299–317.
- Hegre H., Gates S., Gleditsch N.P., 1999. Estimating the Relative Risk of Civil War. Oslo.
- Homer-Dixon T., 1994. Environmental Scarcities and Violent Conflict: Evidence from Cases // International Security. Vol. 19, № 1. P. 5–40.
- Homer-Dixon T., 1999. Environment, Scarcity and Violence. Princeton, NJ: Princeton UP.
- Horowitz D., 1985. Ethnic Groups in Conflict. Berkeley, Ca: University of California Press.
- International Commission on the Balkans, 1996. Unfinished Peace. Washington, DC: Carnegie Endowment for Peace.
- Jagers K., Gurr T.R., 1995. Tracking Democracy's Third Wave with the Polity III Data // Journal of Peace Research. Vol. 32, № 4. P. 469–482.

- Judah T., 1997. The Serbs: History, Myth and the Destruction of Yugoslavia. New Haven: Yale UP.
- Judah T., 1999. Kosovo's Road to War // *Survival*. Vol. 41, № 2. P. 5–18.
- Kaufman C., 1996. Possible and Impossible Solutions to Ethnic Civil Wars // *International Security*. Vol. 20, № 4. P. 136–175.
- Keegan J., 1994. A History of Warfare. NY: Random House, Vintage.
- Ley J.S., 1989. The Causes of War: A Review of Theories and Evidence // *Behaviour, Society and Nuclear War* / Eds. Ph.E. Tetlock et al. NY: Oxford UP.
- Lieven A., 1998. Chechnya, Tombstone of Russian Power. London; New Haven: Yale UP.
- Lipschutz R.D., 1997. Environmental Conflict and Environmental Determinism: The Relative Importance of Social and Natural Factors // *Conflict and the Environment* / Ed. N.P. Gleditsch. Dordrecht: Kluwer Academic.
- Little A., Silber L., 1995. Yugoslavia: Death of a Nation. NY: Penguin Books.
- MacMillan J., 1996. Democracies Don't Fight: a Case of the Wrong Research Agenda? // *Review of International Studies*. Vol. 22, № 3. P. 275–299.
- Plamenatz J., 1976. Two Types of Nationalism // *Nationalism: The Nature and Evolution of an Idea* / Ed. E. Kamenka. London: Edward Arnold.
- Rapoport A., 1989. The Origins of Violence: Approaches to the Study of Conflict. NY: Paragon House.
- Risse-Kappen T., 1995. Democratic Peace – Warlike Democracies? A Social Constructivist Interpretation of the Liberal Argument // *European Journal of International Relations*. Vol. 1, № 4. P. 491–517.
- Rummel R.J., 1995. Democracies ARE Less Warlike Than Other Regimes // *European Journal of International Relations*. Vol. 1, № 4. P. 457–479.
- Russett B., 1993. Grasping the Democratic Peace. Princeton, NJ: Princeton UP.
- Seton-Watson H., 1977. Nations and States. An inquiry into the origins of nations and the politics of nationalism. London: Methuen.
- Shapiro M., 1995. Return of the Apparatchiks // *International Herald Tribune*. 16 January.
- Singer D., 1996. Armed Conflict in the Former Colonial Regions: From Classification to Explanation // *Between Development and Destruction: An Enquiry into the Causes of Conflict in Post-Colonial States* / Eds. L. v. d. Goor, K. Rupesinghe and P. Sciarone. The Hague: Netherlands Ministry of Foreign Affairs. The Netherlands Institute of International Relations.
- Smith A.D., 1983. Theories of Nationalism. 2nd ed. London: Duckworth.
- Smith D., 1997. The State of War and Peace Atlas. London; NY: Penguin Books.
- Smith D., Øyvind Østerud, 1995. Nation-State, Nationalism and Political Identity. Advanced Research on the Europeanisation of the Nation-State, University of Oslo.
- Starr H., 1997. Democracy and Integration: Why Democracies Don't Fight Each Other // *Journal of Peace Research*. Vol. 34, № 2. P. 153–162.
- Taber R., 1970. The War of the Flea: A Study of Guerrilla Warfare Theory and Practice. St. Albans: Paladin.
- Tishkov V., 1997. Ethnicity, Nationalism and Conflict in and after the Soviet Union. London: Sage.
- Uyangoda J., 1996. Militarization, Violent State, Violent Society: Sri Lanka // *Internal Conflicts in South Asia* / Eds. K. Rupesinghe and K. Mumtaz. London: Sage.
- Vasquez J.A., 1987. The Steps to War: Toward a Scientific Explanation of Correlates of War Findings // *World Politics*. Vol. XL (October). P. 108–145.
- Vetlesen A.J., 2000. Genocide: A Case for the Responsibility of the Bystander // *Journal of Peace Research*. Vol. 37, № 4. P. 519–532.
- Wallensteen P., Sollenberg M., 1996. The End of International War? Armed Conflict 1989–1995 // *Journal of Peace Research*. Vol. 33, № 3. P. 353–370.
- Wallensteen P., Sollenberg M., 1991. Armed Conflicts, Conflict Termination and Peace Agreements, 1989–1996 // *Journal of Peace Research*. Vol. 34, № 3. P. 339–358.
- Wallensteen P., Sollenberg M., 1998. Armed Conflict and Regional Conflict Complexes, 1989–1997 // *Journal of Peace Research*. Vol. 35, № 5. P. 621–634.
- Wallensteen P., Sollenberg M., 1999. Armed Conflict, 1989–1998 // *Journal of Peace Research*. Vol. 36, № 5. P. 593–606.
- Wallensteen P., Sollenberg M., 2000. Armed Conflict, 1989–1999 // *Journal of Peace Research*. Vol. 37, № 5. P. 635–649.
- Welch D., 1993. Justice and the Genesis of War. Cambridge: Cambridge UP.